

The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies

Numéro Issue 4/5 (2006)

"Military and Security Structures in/and the Regions" & "Women in/and the Military"

Павел Петрович Щербинин / Pavel Petrovich Shcherbinin

Солдатские жены в XVIII - начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений [*Soldiers' wives from the XVIIIth to the XXth century : the reconstruction experience of social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments*]

Avertissement

Le contenu de ce site relève de la législation française sur la propriété intellectuelle et est la propriété exclusive de l'éditeur.

Les œuvres figurant sur ce site peuvent être consultées et reproduites sur un support papier ou numérique sous réserve qu'elles soient strictement réservées à un usage soit personnel, soit scientifique ou pédagogique excluant toute exploitation commerciale. La reproduction devra obligatoirement mentionner l'éditeur, le nom de la revue, l'auteur et la référence du document.

Toute autre reproduction est interdite sauf accord préalable de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France.

revues.org

Revues.org est un portail de revues en sciences humaines et sociales développé par le CLEO, Centre pour l'édition électronique ouverte (CNRS, EHESS, UP, UAPV).

Electronic reference

Павел Петрович Щербинин / Pavel Petrovich Shcherbinin, « Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений [*Soldiers' wives from the XVIIIth to the XXth century : the reconstruction experience of social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments*] », *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies* [Online], Issue 4/5 | 2006, Online since 29 novembre 2006. URL : <http://pipss.revues.org/index493.html>
DOI : en cours d'attribution

Éditeur : Centre d'études et de recherche sur les sociétés et les institutions post-soviétiques (CERSIPS)

<http://pipss.revues.org>

<http://www.revues.org>

Document accessible en ligne à l'adresse suivante : <http://pipss.revues.org/index493.html>

Document généré automatiquement le 24 mars 2010.

Creative Commons License

Павел Петрович Щербинин / Pavel Petrovich Shcherbinin

Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений [*Soldiers' wives from the XVIIIth to the XXth century : the reconstruction experience of social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments*]

- 1 Семейная жизнь военнослужащих европейских армий вызывает в последние десятилетия широкий интерес социологов, демографов, историков, политологов и этнографов. Получают развитие специальные направления в истории семьи, гендерной истории и истории армии, в которых авторы уделяют особое внимание социокультурной характеристике, правовому статусу и повседневной жизни членов семьи военнослужащих. В тоже время исторический портрет солдатки, жены тех, кто был призван на службу в армию или мобилизован на войну, до сих пор не воссоздан. Очевидно, что повседневно-бытовых реалиях этих женщин ведущую, а подчас и определяющую роль играл «военный фактор». К нему следует отнести сами войны, а также то, что им сопутствовало, – расквартирование войск, реквизиции, военные заготовки, военно-санитарную деятельность и т.п. В статье предпринята попытка реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, менталитета, повседневной жизни солдатских жен в Российской империи (XVIII – начало XX вв.).
- 2 Российские солдатки не оставили мемуаров и дневников, в которых могли бы быть зафиксированы их личные свидетельства оценки влияния военного фактора на повседневно-бытовые реалии солдатских семей. Поэтому воссоздание повседневной жизни этих женщин, их настроений и социально-правового статуса неизбежно требуют внимательного изучения максимально широкого круга источников военной поры. Наиболее ценными и информационно насыщенными из них являются: первичные архивные материалы, периодическая печать, церковные источники, донесения жандармских управлений, фольклорные и этнографические источники, материалы земских обследований и собственно прошения солдатских жен.
- 3 Термин «солдатка» появился в России во второй трети XVII в., когда в русской армии были сформированы полки «нового строя», названные солдатскими. Военнослужащие этих европеизированных частей - солдаты – имели право не только жениться во время службы, но жить с семьей в местах расположения военной части. Однако в XVII в. солдатские жены являлись скорее исключением из правила, нежели обычным явлением для вооруженных сил русского государства. Таких женщин было сравнительно немного, и лишь рождение массовой регулярной армии, введение рекрутских наборов в России в начале XVIII в. способствовали появлению особого военного сословия, в которое входили не только собственно солдаты, но и члены их семей (жены, сыновья и

дочери). Важно иметь в виду и то обстоятельство, что определение «солдатка» активно использовалось как в российском военном и гражданском законодательстве в XVIII – начале XX вв., так и в повседневной речевой практике россиян и россиянок, церковных и светских властей. Фольклорные и другие этнографические источники также сохранили самобытную, яркую характеристику повседневной жизни и менталитета солдатской жены.

Социальный статус солдатской жены

- 4 Определить брачное поведение и семейно-бытовые условия жизни солдатских жен можно, ответив на вопросы: когда и за кого они вышли замуж, где жили после замужества и каким образом содержали себя и своих детей. Женщина могла стать солдаткой (солдатской женой, рекруткой, женой нижнего воинского чина) при следующих обстоятельствах: 1) призыве мужа-крестьянина или мещанина в рекруты или солдаты; 2) заключении брака с рекрутом или солдатом срочной службы; 3) выходе замуж за отставного или отпускного солдата. Понятно, что наиболее распространенной была первая категория, когда статус солдатки и перевод женщины в военное сословие происходили после отправки мужа в армию. Очевидно, что ни одна женщина податного сословия (крестьянка или мещанка-горожанка) не могла быть спокойна, пока ее муж находился в «призывном возрасте» и мог быть отправлен в войска. Эта перспектива неминуемого и часто неожиданного призыва создавала ситуацию постоянного беспокойства, являлась мощнейшим стрессом, сопровождавшим семейную повседневную жизнь и сословно-правовой статус населения России. Понятно, что положение русской женщины было неустойчивым и во многом зависело от частых рекрутских наборов, определяемых внешнеполитической активностью государства и ростом мобилизационных мероприятий военного министерства. С известной долей условности можно разделить все замужнее женское население России в XVIII – начала XX в. на три группы: 1) женщины, мужа которых уже служили в армии; 2) россиянки, которые с тревогой и опаской ждали часа неминуемого «изъятия» главы семьи для военных надобностей; 3) жены, мужа которых по состоянию здоровья, льготам и другим причинам не могли служить «пушечным мясом», и именно эти женщины считали себя самыми счастливыми и удачливыми.
- 5 Отдача мужа в рекруты или солдаты коренным образом изменяла статус россиянок, внося в их жизнь необходимость поиска путей адаптации, выбора индивидуальных способов противодействия правовому, административному и общественному давлению, которому подвергалась любая солдатка, став представительницей военного сословия. Впрочем, в XVIII – XIX вв. солдатка, которая была крепостной до призыва мужа в армию, становилась свободной, но принадлежащей, как военному ведомству. Важно заметить, что население России хорошо знало права военного сословия. Невыполнение помещиками обязательств освобождать солдатских жен от крепостной неволи, при призыве мужа в рекруты или в ополчение, вызывало многочисленные судебные тяжбы, а в некоторых случаях и волнения.
- 6 По мнению Э.К. Виртшафтер, для семьи рекрута правовые и социально-экономические последствия призыва наступали практически немедленно: каждый рекрут оказывался потерянным как работник, налогоплательщик, отец и муж. Сложным было положение и его жены, детей и престарелых родителей, которые практически оказывались на грани нищеты. В правовом отношении и на деле рекрут и его жена, если она у него была, в момент призыва на военную службу не «освобождались», а исключались из числа членов своей общины¹. Таким образом, солдатка освобождалась часто не только от крепостной зависимости, но и от всякой возможной поддержки крестьянского или мещанского общества.

- 7 Необходимо иметь в виду, что, став солдатской женой, женщина могла следовать за мужем в армию и проживать там вместе с ним. Брачные узы считались священными и военные, гражданские и церковные власти не решались формально запрещать жене быть при муже. Этим правилом особенно недовольны были помещики, которые теряли не только своего бывшего крепостного, взятого в армию, но и его жену. В случаях, когда в солдаты тайно записывался крепостной крестьянин, военное начальство отказывалось возвращать его из армии. Помещики бомбардировали правительство прошениями с просьбой оставлять им хотя бы жен этих «самовольных» солдат. В 1700 г. решено было, что, если солдаты станут просить «о поставке их жен, таких жен от помещиков не отбирать». Заметим, что по первым рекрутским указам можно было брать в армию только холостых рекрутов, но уже с 1707 г. допускался и призыв женатых мужчин, так как холостых оказалось для призыва явно недостаточно, а потребности армии диктовали важность скорого ее пополнения. Не случайно, уже в первых петровских указах о рекрутских наборах отмечалось, что часто новобранец отправлялся к месту службы с женой и детьми². Однако, все определялось чаще всего возможностью. для солдата содержать жену и детей.
- 8 Свидетельством значительного числа женатых рекрутов в начале XVIII в. является указ 1704 г., в котором провиантские дачи различались на две категории: для женатых и холостых воинов. Семейным выдавалось от казны по 5 четвертей (580 кг) хлеба в год, а неженатым – только 3. Однако волокита в выдаче казенного провианта ставила порой детей и жен, ушедших в поход рекрутов в крайне тяжелое положение. Власти отмечали, что в 1707 г. из-за отсутствия в государственных амбарах-магазинах хлеба «жены и дети солдат помирают голодной смертью»³. Вскоре тяготы Северной войны заставили правительство вообще отказаться от выдачи хлебного жалования солдаткам и их детям. А в 1722 г. последовало уточнение о том, что жена могла следовать за мужем только после того, как он обживется на новом месте и если на то придет «требование полков». С 1744 г. жены рекрутов должны были оставаться на прежних местах жительства.
- 9 Безусловно, к месту службы мужа-рекрута ехали лишь те женщины, которые могли решиться расстаться с привычным укладом жизни, с родными местами и родственниками. Как правило, приезжала к мужу бездетная солдатка, так как наличие детей сдерживало ее социальную мобильность. Солдатская жена, прибыв к мужу-рекруту, не обладала правом самостоятельно выбора профессионального занятия, передвижения, а попадала в зависимость от полкового командира. Такая женщина уже не имела права распоряжаться своей судьбой, как ей заблагорассудится. Она могла, конечно, подыскивать себе место проживания вне полка, но только с разрешения командира полка. В середине XVIII в. существовала специальная инструкция для полковников, чтобы они подыскивали работу для солдатских жен в пределах полка. Этим решалось несколько задач: не разбегались по сторонам солдатки со своими детьми, обязанными затем служить в армии, да и в полковом хозяйстве при помощи умелых женских рук, наводился порядок. Женщинам поручались шитье и стирка для солдат белья, вязание чулок, шитье палаток и чехлов для них и др. В XIX в. лишь некоторые из солдатских жен находили применение своему труду в самом полку, чаще всего, ухаживая за больными солдатами, другие – устраивались на фабрики, которые располагались недалеко от места дислокации полка ее мужа, либо занимались мелкой торговлей или нанимались в услужение. Но все же большинство женщин не могли найти себе самостоятельного заработка и рассчитывали лишь на квартирное и пищевое довольствие, которое по закону полагалось семейным солдатам.
- 10 Заметим, что если воинская часть располагалась на постое у городских или сельских обывателей, то еще с 30-х гг. XVIII в. для женатых солдат полагались дополнительные площади. Представляется весьма занятным, как правительство рассчитывало ценность

семьи солдата по отношению к нему самому. Так, жену считали за одного солдата; трех дочерей - также за одного солдата. Заметим, что забота правительства не была связана с пониманием важности совместного проживания супругов, а лишь отражала стремление контролировать солдатское потомство. Не случайно в указах Анны Иоановны подчеркивалось, что хотя женам солдатским неприлично жить в казармах, но от разлучения их с мужьями пропадает много солдатских детей, которые потом могли бы быть обращены в службу. Таким образом, проясняются причины того, что военные власти не возражали против совместного проживания солдат и солдаток в расположении частей. В середине XVIII в. около половины военнотружущих были женатыми и проживали со своими семьями в избах или комнатах, находясь на постое или в солдатских слободах.

11 Нанимать квартиру для проживания было дорого, и большая часть солдатских семей жила в крайней тесноте и испытывала немало неудобств. Квартирные пособия были невелики и рассчитаны на то, что у семьи солдата есть дополнительные источники финансирования (помощь большой семьи, родителей, заработка жены солдата). Казенные же квартиры, выделяемые семьям солдат, были очень неудобными. Часто это было те же солдатские казармы, перегороженные деревянными перегородками. Сложности для семейной жизни солдата и тяжелые условия для совместного проживания, отсутствие средств приводили к тому, что большинство женщин-солдаток оставалось на прежнем старом месте жительства. Наверно, не случайно, если жена не поехала за мужем сразу после призыва, то при ее вызове потом, воинское начальство предварительно рассматривало экономическое состояние семьи и могло запретить ее приезд.

12 Конечно, солдат мог завести семью и в период своей службы в армии. Однако, уже в 1764 г. нижним чинам было запрещено вступать в браки без согласия полковых командиров. Кроме того, от солдата требовалось соблюдение следующих условий: наличие свидетельства о согласии невесты солдата и родителей на брак; достижение невестой 16 летнего возраста; согласие податного общества об отдаче невесты замуж за солдата⁴. И все же, главным фактором, влиявшим на семейный статус солдата, было его материальное положение. Не случайно, большинство солдат принимали решение и получали дозволение начальства на брак, лишь при обретении более высокой должности, а так же при приискании себе богатой невесты. Понятно, что в полках значительную часть женатых составляли: фельдфебели, фельдшеры, мастеровые, которые обрели семьи именно после получения этих званий и должностей.

13 Заметим, что офицеры признавали благотворное влияние семейной жизни на нравственность, поведение солдата и его отношение к службе. Поэтому они при наличии благоприятных обстоятельствах старались не препятствовать устройству солдатом своей семейной жизни. Командиры полков отмечали, что семейные солдаты становились степеннее и рассудительнее, имели определенные цели и прочные привязанности. Некоторые выпивавшие ранее солдаты бросали под воздействием жен свою пагубную привычку, улучшалось и здоровье солдат, так как они не заражались больше сифилисом и другими венерическими заболеваниями.

14 Браки солдат, отличались большой разницей в возрасте жениха и невесты, составляя порой несколько десятилетий. Специальное изучение состава семей отставных солдат в XVIII и XIX вв. подтверждает эту тенденцию. Нами была сформирована на основе первичных архивных источников электронная база данных «Семьи отставных солдат XVIII в.», обработка которой показала, что 29 процентов солдатских семей имели разницу в возрасте мужа и жены от 15 до 25 лет, еще 14 процентов – от 10 до 15 лет, почти 40 процентов мужей были старше своих жен на 5 - 10 лет, а лишь четыре процента – были ровесниками⁵. Такая большая разница в возрасте солдата и его жены объяснялась тем, что многие солдаты женились уже после службы в достаточно зрелом возрасте не на своих ровесницах, которые либо уже устроили свою судьбу, либо не могли уже составить

конкуренции молодым девушкам на выданье. Весьма примечателен и средний возраст членов солдатских семей: муж – 59 лет, жена – 47, сын 19, дочь – 10 лет. Сыновей в солдатских семьях было почти в три раза больше, чем дочерей. Но можно предположить, что при проведении переписи отставных солдат, власти не всегда учитывали «солдатских девок», предпочитая четко регистрировать будущих рекрут – сыновей солдат. Заметим, что ревизские семьи отставных солдат к середине XIX в. явно росли (1850 г. средний размер – 5.5 человек, 1858 г. – 9.0 человек), что можно связать с сокращением срока рекрутской службы и довольно частым разрешением им встречаться с женами в период службы или отпуска домой.

- 15 Фактически же, некоторые солдаты, хотя и считались женатыми, но жен своих не видели с момента рекрутства – они обзавелись супругами еще «в крестьянстве», успели даже завести детей, и жены, понимая, что ничего хорошего от солдатского житья не ожидается, остались на прежних местах, давая, впрочем, своим мужьям основание долгие годы считаться семейными. Некоторые солдаты более десяти лет не видели своих жен, хотя некоторым удавалось бывать дома во время кратковременных отпусков. Впрочем, и некоторые солдатки, годы, а порой и десятилетия проживая без мужа, стремились как-то устраивать свою личную жизнь, находили постороннего «утешителя и заступника». И если вдруг солдат добивался у полкового начальства разрешения выписать свою жену к себе в часть для совместного проживания, то ему приходилось вступать в многолетнюю переписку с земской полицией, чтобы выяснить, жива ли его жена и где она находится.
- 16 Таким образом, очевидно, что большинство солдаток все же не решались поехать к мужу, а оставались в местах прежнего проживания. Весь комплекс изученных нами источников позволяет выявить примерное процентное соотношение проживания солдатки и ее мобильности. Итак, с мужем в армии проживали около 5 процентов солдаток, еще 15 процентов женщины пытались жить самостоятельно в городах, других селах, находя собственные источники пропитания и крова над головой. Но большая часть, около 80 процентов солдатских жен, оставались жить там, где их застал призыв мужа в рекруты: в его большой семье, доме его или своих родителей, других родственников, односельчан.
- 17 Солдатские жены имели право получать паспорт, который позволял им менять место жительства в поисках работы, однако часто мужья-солдаты отказывались давать согласие на проживание жены отдельно не только в городе, но и часто и в родном селе. Без этого разрешения власти, в свою очередь, не имели права выдавать женщине паспорт, с правом самостоятельного выбора места жительства. Судьба таких женщин была незавидной. Архивные источники сохранили многочисленные прошения солдаток с просьбами выдачи им паспорта «для прокормления своею работою». В абсолютном большинстве случаев мужья-солдаты отказывали женам и власти отклоняли их прошения о получении паспорта.
- 18 Требование обязательного согласия мужа-солдата на самостоятельное проживание жены действовало и после замены рекрутской повинности всеобщей воинской обязанностью. Так, в 1888 г. солдатка села Тулиновки Тамбовского уезда Анна Абоносимова в своем прошении в Главный штаб военного министерства умоляла разрешить выдать ей отдельный паспорт, так как муж «помощи мне не дает никакой», отказывая в то же время «в выдаче удостоверения, по которому я могла бы наняться к кому либо». Через губернатора Анна Абоносимова, как и сотни ее подруг по судьбе, получила сообщение об отказе в удовлетворении ее прошения, так как без согласия мужа ей не мог быть выдан просимый паспорт⁶. Таким образом, патриархальные стереотипы и запреты ограничивали мобильность солдаток, препятствовали им в налаживании собственной жизни и поиске средств пропитания.
- 19 Конечно, солдатка после ухода мужа в армию могла остаться и в семье свекра или деверя, если она жила там долго или уйти из семьи мужа к отцу, или братьям, либо

жить с детьми отдельной семьей. Немало солдаток оседало в городах или торгово-промышленных селах, где они могли найти какое-то пропитание и доход. Главными занятиями солдаток в городах являлись работа в услужении, на фабрике, занятия мелкой торговлей или проституцией. В городских условиях, когда надо было самой оплачивать и свой кров, и свое пропитание, обеспечивать потребности детей, женщины брались за любую работу и промысел. Понятно, что их заработки и доходы оставались весьма ограниченными. Статистические данные по городским эпидемиям показывают, что у городских маргиналов, в том числе и у солдаток, смертность была в два раза выше, чем у крестьян, проживавших в городе. Это объясняется тем, что у крестьян была либо защита хозяина, либо он мог вернуться в свой дом в деревню. А у солдаток этого не было, и они могли рассчитывать только на свои силы и возможности. Лишь некоторые солдатки своей активностью и трудолюбием, а порой удачливостью, обретали экономическую независимость и благополучие, становясь владелицами ремесленных мастерских и доходных заведений. Однако, это было скорее исключение, чем правило в повседневной жизни российской солдатки. Большинство солдаток в силу обстоятельств, общественного мнения и традиций российского общества обречены были на мучительный поиск стратегии выживания себя и своей семьи. По сути, солдатка теряла свои социальные корни, после призыва мужа на службу и вынуждена была вести активный поиск нового положения в обществе⁷.

20 Заметим, что с 1866 г. браки солдат в период службы уже не разрешались. В 1892 г. и 1904 г. в военное законодательство были внесены изменения, что исключения из этого правила и разрешение солдату жениться могло допускаться только в крайних, особо уважительных случаях, и не иначе, как с Высочайшего на то соизволения. Таким образом, отношение властей к бракам солдат за почти два столетия в корне изменилось. Если в XVIII в. браки солдат одобрялись, то в XIX в. происходило неуклонное сокращение возможностей для солдата завести семью и проживать с ней при воинской части.

Рождаемость и положение детей в рекрутских семьях

21 Изучение рождаемости, социально-правовой адаптации рекрутских семей, повседневной жизни законных и незаконных детей в семьях солдаток представляет несомненный интерес. Первичные архивные источники сохранили многочисленные свидетельства жизненных коллизий солдатских жен и их незаконнорожденных детей, на основании которых и попытаемся реконструировать эту сторону семейно-брачных отношений солдаток и их материнского поведения. Отметим, что если в целом в императорской России положение и будущее ребенка зависело от социального положения его отца, то в солдатских семьях к военному сословию относились и еще не рожденные дети, а также все потомство не только от солдатских жен, но и от солдатских дочерей, от солдатских внуков, даже если они были прижиты незаконно. Очевидно, что для государства главным и определяющим являлись не законность или незаконность рождения ребенка в семье солдата, а его безусловная принадлежность к военному сословию и последующая служба в армии.

22 На рождаемость в солдатских семьях влияло несколько факторов. Во-первых, длительная разлука, порой на десятилетия, очень редкие встречи лишь при возможном кратковременном отпуске мужа-солдата домой или поездке жены-солдатки к мужу на место дислокации воинской части формировали особый тип сексуальных отношений, брачного поведения солдатки и статуса ее детей.

23 Во-вторых, необходимо учитывать особенности социокультурных процессов, информированность российского общества в период рекрутчины. Очевидно, что после призыва мужа на службу часто солдатка ничего не знала о его судьбе. Да и сами мужья-солдаты могли только догадываться, как живут их семьи и что происходит на

родине. Переписка в солдатских семьях была редкой или вообще отсутствовала. Таким образом, часто мужа и жены после рекрутского набора и расставания, годами, а иногда десятилетиями ничего не знали друг о друге. Отсюда становится вполне понятным наречение солдатки в общественном мнении «полувдовой», одинокой и беззащитной женщиной. Вероятно, не случайно многие рекрутки считали, что после призыва мужа на службу в армию их судьба поломана и у них нет больше перспективы нормальной семейной жизни и женского счастья. Военная машина перемальвала судьбы солдатских жен, лишая их не только самого мужа-«кормильца», но и даже сведений о его службе и жизни в армии.

24 Да и сами солдаты после призыва на службу находились, по наблюдениям современников, на положении бесправных, лишенных семьи и собственности. Один из солдат, восстанавливая картину прошлого, констатировал, что, рекрут редко возвращался после службы домой, а если и возвращался, то его не узнавали: «...товарищи его уже умерли, молодые готовили своих сыновей в солдаты, старые связи безвозвратно исчезли: жена, которую он оставил еще молодой, встречала его старухой, окруженная чужими для него детьми, да и сам он был уже не тот...»⁸. Рекрутчина фактически способствовала краху многих солдатских семей, лишала детей отцов, а жену – мужа. Лишь тяжелое ранение, болезнь, инвалидность мужа-солдата давали ему шанс увольнения из армии, возвращения домой и встречи со своей семьей, но вместо опоры и поддержки он нередко становился уже обузой для своей семьи.

25 В-третьих, репутация солдатки была уже по определению негативной. Стереотипы и образы ее сексуального и брачного поведения были однозначными: если женщина-солдатка, значит, она – гулящая, распутная, неприкаянная, а все ее дети – незаконнорожденные. Даже если солдатка рожала вполне законного ребенка, это вызывало подозрение и удивление. Для женщины-солдатки очень трудно было преодолеть негативное восприятие своего образа в сознании современников и современниц, что в свою очередь накладывало отпечаток на поведение солдатских жен и их настроение.

26 Россияне и россиянки по-разному относились к незаконным рождениям в семьях солдаток, пытаясь иногда объяснить особенности сексуальной жизни солдатских жен. Представляются интересными наблюдения Б. Энгель об отношении крестьян в районах с развитым отходничеством к «одинокой» жизни россиянок. Неверность жен крестьян-отходников односельчане часто объясняли расхожими представлениями о сексуальности женщин. Не одобряя женской распущенности, они часто относились к ней снисходительно, благодаря своим представлениям о непокорности женской природы и необходимости мужского надзора. Например, крестьяне терпимо относились к солдатским женам, которые, пока мужей не было, сходились с другими⁹. Информаторы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева фиксировали достаточно единодушные оценки брачного поведения солдаток, отмечая, что повсеместно жена изменяла солдату-мужу и имела незаконных детей¹⁰.

27 В период многолетней разлуки нередко и сам муж-рекрут, и его жена искали партнеров на стороне, но если для мужчины это в худшем случае заканчивалось венерическим заболеванием и поркой в казарме, то женщине приходилось расплачиваться за свою случайную связь кризисом семейной жизни, а также осуждением ее окружением и обществом в целом. Отношение мужей-солдат, вернувшихся со службы и обнаруживших незаконных детей у своих жен, в большинстве случаев было резко негативным. Разъяренные мужья по обычному праву могли поступать с такими женами, как им заблагорассудится: истязать и избивать их, унижать и постоянно напоминать о «грехе». Социальное окружение солдатки, как правило, оставалось равнодушным к судьбе несчастной женщины, а расправы солдат с неверными женами нередко заканчивались

- убийством. Анализ судебных дел свидетельствует об изуверских способах наказания солдатами своих неверных жен: один из них, оказавшись дома на побывке, в качестве наказания повесил жену за руки и за ноги к перекладине полатей и стал поджаривать ее на огне. Пытка закончилась смертью женщины. Другой солдат, недовольный поведением своей жены, бросил ее в колодец, где она утонула¹¹. Заметим, даже если муж и прощал свою жену за ее «грех» и продолжал хорошо к ней относиться, то для общественного мнения он должен был все равно ее избивать и унижать¹². Причем и вся дальнейшая жизнь «согрешившей солдатки» должна была напоминать ей о ее «непотребстве и бесстыдстве»: женщине запрещалось нарядно одеваться, посещать сельские посиделки, свадьбы и т.п.
- 28 Женщине-солдатке приходилось впрочем нередко скрывать рождение не только незаконных, но и вполне законных детей. Прежде всего, жены солдат стремились скрыть рождение мальчиков, которым была уготована участь отцов – неизбежный призыв на военную службу. Примечательно, что, даже будучи беременной, в период призыва мужа в рекруты, женщина лишалась естественного права на своего ребенка, так как если он рождался мужского пола, то автоматически считался принадлежащим военному ведомству. К солдатскому сословию российское законодательство причисляло и всех незаконнорожденных детей, произведенных на свет рекрутскими женами, солдатками, солдатскими вдовами и их дочерьми и даже внучками¹³. Военное «закабаление» солдатских детей вполне отражало доминирующую тенденцию крепостнической России: все податные сословия должны были принадлежать либо государству, либо помещикам, либо армии. В данном случае «военное закрепощение» распространялось на всех членов солдатских семей, практически лишая их возможности как-то изменить свой статус или выбрать иную стратегию выживания и социального поведения. Если солдатская дочь, выходя замуж, уходила из родительского дома, то мальчик – кантонист обрекался на пожизненную «женитьбу» с военной службой, оставляя родителей без опеки и поддержки. Можно предположить, что матери-солдатки завидовали своим соседкам, вышедшим замуж за обычных крестьян и мещан, хотя и те были не застрахованы от ситуации, когда и они после рекрутского набора тоже стали бы солдатками.
- 29 Несмотря на жестокие кары и преследования за укрывательство рождений кантонистов, россиянки, как правило, боролись за судьбу своих чад. Нередкими были случаи, когда солдатки, стремясь спасти своих детей от неизбежного в будущем призыва в армию, скрывали беременность, заявляли о рождении мертвого ребенка или выкидыше. При первой возможности женщины уходили в соседнее село или в город, оставляли своих малюток знакомым или родственникам, которые объявляли о «неизвестных подкидышах», а позже брали их на воспитание. Солдатки также отдавали детей в дома для подкидышей и иногда ухитрялись воссоединиться со своими детьми. Некоторые солдатки, оставляя своих детей в приютах, надеялись на изменения законов о военной службе, которые однажды разрешат им вернуть детей. Действительно, после ликвидации в 1856 г. института кантонистов, многие солдатки появились в приютах и просили вернуть им мальчиков, от которых они отказались ранее¹⁴.
- 30 Казалось бы, рождение девочки в семье солдата, законное или незаконное, ничем ей самой не грозило. Но материнская обреченность «наследовалась» и дочерию. Сын, рожденный уже солдатской дочерью в браке или незаконно, снова объявлялся собственностью военного министерства и обязан был служить в армии. Солдатские дочери – девки солдатские – тоже начинали укрывать своих детей и пытались, как и их матери, противостоять закону и своей несчастной судьбе. Так российское государство и военное министерство обрекали на противодействие и попытки спасения от армии всех женщин в солдатских семьях, добываясь от всех мужчин из этих семей неизбежной военной службы. Фактически семейная неустроенность наследовалась в солдатских

семьях, а государство не считалось с тем, что ломались судьбы целых поколений представителей и представительниц военного сословия.

31 Заметим, что за будущее солдатских детей боролись не только матери-солдатки, но и помещики. Это противостояние за право обладания ребенком из семьи солдата определялось, прежде всего, экономическими обстоятельствами, ибо помещики стремились сохранить у себя будущую рабочую силу, а правительство интересовалось стабильным пополнением запасов «пушечного мяса». Таким образом, и матери-солдатки, и солдатские дети занимали ненадежное социальное положение в обществе и нередко оказывались беззащитными перед произволом помещиков и чиновников.

32 Попытаемся реконструировать данное противостояние солдаток и помещиков путем анализа судебных дел и прошений солдаток, стремившихся отстоять права своих детей. Судебные разбирательства солдаток о возвращении им незаконно отобранных детей нередко продолжались годами, но вполне могли заканчиваться благополучным для них исходом. Так, в 1811 г. вдова-солдатка Кирсановского округа Аграфена Матвеева написала прошение на имя императора с просьбой вернуть ей незаконно прижитого сына Василия, которого «содержала на собственном своем пропитании», так как местный помещик А.Л. Болотников решил перевести его в свои крепостные. Разбирательство длилось 8 лет и закончилось в итоге в пользу солдатки¹⁵.

33 Документы провинциальных судов сохранили большое количество подобных разбирательств дел о незаконных детях солдаток и претензиях на них помещиков. Заметим при этом, что солдатки, как принадлежавшие к военному сословию, могли подавать прошения в любые инстанции без гербового сбора, на обычной бумаге, и на эти прошения обязательно давался ответ. Так, одно их архивных дел свидетельствует о том, что солдатка Спасского уезда Тамбовской губернии Мария Петрова подала в 1850 г. прошение окружному начальнику. В нем она сообщала, что ее муж-крестьянин поступил в 1812 г. рекрутом, в отпуске не был, писем не присылал, а через некоторое время умер. После смерти его она вступила во второй брак с государственным крестьянином Степаном Саблиным и прижила с ним трех сыновей, которые были внесены в списки военных кантонистов. Причем первый уже поступил на службу, а второй также должен быть отправлен служить. Солдатка-крестьянка просила оставить ей для помощи в старости и для пропитания хотя бы третьего сына и записать его по ревизии к ее новому семейству¹⁶. Заметим, что солдатка даже не просила вернуть ей всех сыновей, которые не являлись солдатскими детьми и не обязаны были служить вовсе, так как принадлежали к крестьянскому сословию. Неожиданно для солдатки ее второй брак был признан духовным судом законным, а все трое сыновей отнесены были к гражданскому ведомству и освобождены от службы. Такая счастливая развязка этого дела наступила только после пятилетнего разбирательства, но она свидетельствовала о возможности солдатки оспаривать юридически свои права и права своих детей.

34 Таким образом, солдаткам приходилось проявлять упорство в защите прав своих законных и незаконных детей, добиваясь нередко успеха в своих исках. Вероятно, материнские чувства и стремление защитить свою семью оказывались у солдаток сильнее сословных предрассудков и социальных ограничений. Солдатские жены одними из первых в России оценили возможности апелляции к законодательству и возможности защиты своих прав как представительниц военного сословия, которые нарушали помещики или местные власти. Очевидно, что резкое ухудшение положения женщины-солдатки после призыва мужа в армию или на войну вызывало у нее потребность в защите прав своих детей и собственного правового положения перед властями и социальным окружением. Возможно, именно эта инициативность и активность в поиске справедливости превращали солдатку в одну из самых «продвинутых» среди современников «правозащитниц», ибо солдатские жены чаще представительниц других

сословий подавали прошения властям, обращались с изложением своих претензий непосредственно к императору, участвовали в обширной бюрократической переписке и многочисленных судебных тяжбах. Понятно, что в большинстве случаев солдатки не писали прошения самостоятельно, обращаясь к помощи писаря или грамотного соседа, но все же они сами обретали непосредственный правовой и жизненный опыт, учились требовать соблюдения норм российского законодательства. Кроме того, достаточно частая успешность обращений солдаток к центральным и региональным властям и знание ими правил составления прошений формировало уважительное отношение к «опытности» солдатских жен у родственников и социального окружения.

35 Создание большой регулярной армии в XVIII в., когда мужчина на долгие годы, если не навсегда, отрывался от родного дома, резко увеличило и количество незаконнорожденных детей, прежде всего в семьях солдаток. Многие женщины, стремясь скрыть позор от нечаянного зачатия незаконного ребенка, стремились избавиться от «свидетельства греха». Современники признавали, что наиболее часто практикуется «изгнание плода» вдовами и солдатками. Опытные соседки или старухи-ворожейки делились с ними советами, как сделать это наиболее надежно. Женщины пили спорынью, настой фосфорных спичек, поднимали тяжелые вещи. Один из сельских священников сообщал, что «...одна девица была беременна и извела плод тем, что била себя лапотной колодкой по животу. Народ не обращает на это особого внимания»¹⁷. До нас дошли описания самых изуверских средств, к которым прибегали женщины, чтобы избавиться от нежелательного ребенка: пили отвар пороха, селитры, мелко истолченные стекло и песок, керосин, глотали серу, сулему и даже ртуть. Прыгали с высокой лестницы, с изгороди, с сеновала. Нередко такие опыты избавления от «греха» приводили к «смертельным исходам с кровотечениями и в мучениях»¹⁸. Если не помогали все эти способы, то женщины старались сделать нелегальный аборт и спасти свою репутацию.

36 Некоторые солдатки шли даже на убийство младенцев, чтобы скрыть незаконное рождение. По подсчетам С. Максимова, в XIX в. убийство детей было вообще самым распространенным женским преступлением в России. Среди важнейших причин детоубийств назывались те, которые были вызваны военным фактором: зимние стоянки солдат на постое, а также наличие фактически брошенных женщин-солдаток¹⁹. Да и среди осужденных за детоубийство большинство женщин относились именно к военному сословию. Все это лишь указывает в очередной раз на остроту проблемы незаконнорожденных детей в солдатских семьях.

37 Можно выделить несколько важных обстоятельств, влиявших на устойчивую тенденцию рождения солдатками незаконных детей. Во-первых, неопределенность условий и сроков призыва в армию, многолетняя разлука с мужем ломали привычный уклад жизни и повседневности солдаток, вынося ее на обочину традиционной семейной жизни. Во-вторых, сам «военный фактор», то есть постой войск, социальные ограничения (экономические, правовые и сословные) вынуждали солдатку менять свое сексуальное поведение, изменять «далекому и недоступному» мужу. В-третьих, окружение солдатки было «уверено» в ее потенциальной неверности, постоянно напоминая несчастной «соломенной вдове», что она неизбежно придет к подобию «падшей» женщины, и это ее рок и ее судьба. Наконец, заметим, что сложившаяся в России система призерения подкидышей и незаконнорожденных детей мало способствовала ограничению детоубийств, и не случайно, составлявшие около трех процентов в составе российского населения солдатки давали более половины осужденных за это преступление.

38 Рассмотрим еще один аспект, связанный с нелюбимой характеристикой в общественном мнении российской солдатки. Речь пойдет о проституировании солдатских жен. С солдаткой в общественном мнении россиян в XVIII – начале XX в. часто ассоциировались отрицательные характеристики, критическое отношение,

обвинение в разврате и сексуальной неводержанности. Часть солдаток действительно вынуждена была заниматься проституцией, как организованной, зарегистрированной, так и «нелегальной», тайной. Только из зарегистрированных официально проституток каждая пятая являлась солдаткой²⁰. Отмечались случаи, когда этим же ремеслом промышляли и солдатские дочери. Подобные династии, по понятны причинам, не могли пользоваться авторитетом и уважением современников. Впрочем, на наш взгляд, само развитие проституции в России было напрямую связано, с процессами милитаризации, воздействием военного фактора на повседневную жизнь российского общества в XVIII – начале XX в. Ведь именно военные были одними из самых «активных» клиентов как официальной, так и «тайной», нелегальной проституции. Рост венерических заболеваний среди военнослужащих служил мощным стимулом для легализации проституции, желания властей поставить под санитарно-медицинский, полицейский контроль представителей «древнейшей профессии».

39 Дореволюционные этнографы подтверждали, что нарушения супружеской верности бывали чаще со стороны жены, объясняя влиянием военной службы на народ: «...Не говоря о солдатках, - которые везде гуляют, сколько хотят. Они, к сожалению, у нас не работают, а добывают себе пищу больше лёгким образом. Не лучше их семейная жизнь в тесном смысле этого слова. Ужаснейший обычай в крестьянстве женить своих детей до поступления на службу, - обычай, происходящий от необходимости иметь лишнюю работницу, - является источником больших несчастий. Солдатки в громадном большинстве случаев, ведут жизнь страшно распутную...»²¹. Конечно, не оставались в долгу и мужья, возвращавшиеся со службы. Они наряду с крестьянами - отходниками являлись в деревне главными разносчиками венерических заболеваний. Серьезную угрозу для здоровья гражданского населения оказывали и расквартированные на постоянной воинские части. Как отмечали современники, жены, оставленные мужьями дома, нередко заражались сифилисом от квартирующих в деревне солдат. С другой стороны, сами солдаты во время походов и лагерных сборов при расквартировании по деревням или при отпуске на работы часто заражались. Многие из них, уходя в запас, заразившись на службе, легко заражали жену и односельчан. Во многих местностях, где раньше сифилиса не существовало, он развивался именно с того времени, как солдаты становились там на зимние квартиры. Подобное развитие интимных отношений военнослужащих с женщинами являлось составной частью казарменного быта, невольного безбрачия массы здоровых и молодых мужчин, которые всегда, несмотря на строгий надзор начальство, находили возможности для «несанкционированных» встреч с женщинами на стороне. Не случайно проституция всегда была верной спутницей регулярных армий во всех странах, а венерические заболевания оставались одной из серьезных проблем для военных врачей.

40 Таким образом, рассуждая о женском непостоянстве и венерических заболеваниях, которые захлестывали порой целые населенные пункты, надо иметь ввиду воздействие солдатской массы на окружающее население и влияние «военного фактора» в целом на гражданское население императорской России. Одним из таких мощных воздействий была и постоянная повинность. Самоуправство постояльцев, бесчинства были чрезвычайно распространенным явлением. По отзывам современников, «...русский солдат является бичом для своего хозяина: он распутствует с его женой, бесчестит его дочь... ест его цеплять, его скотину, отнимает у него деньги и бьет беспрестанно...»²². Да и статистика осужденных за изнасилование в XIX в. свидетельствует, что наибольший процент осужденных за это преступление давало именно военное сословие²³.

41 Несомненно, воздействие военных и милитаризма на гражданское население в России в XVIII – начале XX в. было весьма значительным. Во многих случаях, войны и военные не только влияли на развитие страны в целом, но и на судьбы и повседневную жизнь «обычного» человека. Судьба солдатки и ее поиск стратегий выживания, собственная

линия поведения формировались под воздействием правовых и повседневных реалий, отражая стремление солдатских жен самостоятельно искать выход в критической ситуации, в которой она оказывалась после призыва мужа в армию или на войну. Именно армия и милитаризм обрекали многие тысячи россиянок на одиночество, подталкивая их фактически к занятиям «продажной» любовью. Вероятно, что одним из побудительных мотивов для занятий проституцией у солдаток была неопределенность их фактического семейного статуса.

К вопросам изучения истории российской солдатки

- 42 Новые возможности реконструкции социально-экономического облика, менталитета, особенностей повседневной жизни российской солдатки, появились и при использовании информационных технологий. Речь идет о создании электронных баз данных (далее – БД) и введении в научный оборот значительных массивов первичного архивного материала (прежде всего региональных архивов, которые сохранили не только обобщенные сводки, но подлинные рекрутские переписные листы, справки об освидетельствовании, материалы земских обследований и др.). К настоящему времени в ходе изучения влияния военного фактора на повседневную жизнь населения Тамбовской губ. нами сформированы семь БД в электронной форме с материалами о социально-экономическом, семейном статусе, настроениях солдатских жен в рассматриваемый период.
- 43 Для изучения повседневных реалий рекруток и жен отставных солдат весьма полезны сведения из БД: «Отпускники» и «Рекруты». БД «Отпускники» создана на основе поездных списков отпускных нижних чинов Тамбовской губернии XIX в. Ее информационными полями являются данные о месте жительства, возрасте, сословии, семейном положении, воинском звании, роде войск, занятиях отпускника, перемещениях его в пределах губернии, дате увольнения и постановки на учет. Материалы БД «Отпускники» позволяют проанализировать то, как вчерашние рекруты находили свою «нишу», приспособлялись к гражданской жизни, выбирали занятия и решали семейные проблемы. Обработка материалов БД показывает демографический состав солдатских семей (возраст мужа и жены, количество и возраст детей, имущественное положение семей). Сравнение поездных списков состава семей отпускников и их социально-экономического положения позволит проследить динамику изменений происходивших в солдатских семьях, после возвращения мужа со службы, выявить особенности демографического поведения, социальной стратификации, уклад жизни солдатских семей в XIX в.
- 44 БД «Рекруты» представляет собой официальную форму, копирующую ту, что заполнялась в рекрутском присутствии и содержала обязательные для сведения о рекрутах: фамилия, имя, отчество рекрута, его возраст, рост, приметы (цвет волос, глаз, состояние зубов), сведения о месте жительства (городе, уезде, селе, деревне, слободе), социальном статусе (из мещан, помещичьих, удельных, государственных крестьян), семейном положении (холост, вдов, женат), данные о жене, детях (их пол и возраст), отметка о беременности жены. Приведем пример сведений об одном из рекрутов 96 набора (март 1831 г.): «Митрофан Романов Рожнов, из однодворцев, села Малье Пупки, Козловского уезда, 26 лет, роста – 2 аршина 35/8 вершка, лицом бел, волосом рус, глаза серые, нет четырех зубов. Жена – Домна Ефремова, сыновья: Терентий – 9, Филипп – 4 лет, дочь Агафья - 2 лет. Жена беременна²⁴». Таким образом, исследователь получает возможность глубокого изучения военного сословия, некоторых аспектов его повседневной жизни. Изучение массовых источников провинциальных рекрутских присутствий позволяет выйти при их обсчете на неожиданные результаты. Так, традиционно считалось, что в XIX в. в рекруты предпочитали брать холостых

мужчин. Однако, материалы БД «Рекрут» свидетельствуют, что в первой половине XIX в. в Тамбовской губ. женатые рекруты составляли две трети (63,3 процента), холостые только – 35, 5 процентов, и были даже вдовы рекруты – 1,2 процента. Интересно и другое наблюдение, связанное с анализом БД «Рекрут»: десятки семейных мужчин нанимались охотниками добровольно, то есть шли выполнять рекрутскую повинность за очередного рекрута, родители которого выплачивали охотнику за это значительную по тем временам сумму – до 400 рублей. Вероятно, для этих наемных рекрутов подобное вознаграждение являлось достаточным для содержания своей семьи, а сами «охотники» составляли наемную часть русской армии. Очевидно, что наполнение БД и их обработка позволят выяснить системную информацию по семейно-повседневной жизни солдаток и их семей.

45 Среди реформ Александра II одной из самых важных по своему воздействию на социальные отношения, правовой статус, повседневные реалии российского общества была военная реформа 1874 г.²⁵. Однако, закон о всеобщей воинской повинности не предоставлял льгот женатым призывникам. И количество семейных солдат, по сравнению с рекрутскими временами, даже увеличилось. Если в 1860-е гг. женатые, имевшие детей солдаты, составляли более 38 процентов, то после 1874 г. две трети поступавших в войска новобранцев имели семьи. Заметим, что нередко жена и дети призванного новобранца оставались совершенно без средств к существованию и обрекались на нищету и унижения. Не случайно, как и во время рекрутчины, горько плакали женщины, понимая, сколько страданий и горя им придется хлебнуть после призыва мужа на службу в армию.

46 Жены призывников назывались теперь женами нижних чинов, призванных на службу. Однако чаще всего и в законодательстве, и в повседневной речевой практике военного и гражданского начальства и социального окружения их по-прежнему именовали солдатками. Понятно, что этот термин теперь не отражал сословных и социальных изменений в жизни россиянок, как это было при рекрутских наборах, но вполне указывал на преемственность в повседневных реалиях солдатских жен. Женщины, как и их мужья, призванные на службу, оставались в том же сословном состоянии и были приписаны к своему прежнему обществу.

47 Военная реформа 1874 г. внесла в статус и повседневность солдатских жен и негативные моменты. И срок службы супруга сокращался, и разлука становилась меньше, но солдатки не имели уже права, в отличие от рекруток, следовать за своими мужьями в армию и жить с ними при воинской части. Военное начальство считало, что шестилетний срок службы не способен разрушить семью, и половое воздержание супругов не скажется пагубно на их брачных отношениях. Но случайные связи, поиск партнеров на стороне, рост венерических заболеваний продолжали оставаться неотъемлемой составляющей воздействия армии на гражданское население и в пореформенный период.

48 Примечательно, что жена солдата и ее дети не получали поддержки ни от общины, ни от помещика, рассчитывая в лучшем случае лишь на помощь большой семьи или других родственников. Понятно, что и такая поддержка была случайной, носила эпизодический характер или вовсе отсутствовала. Как оказалось, воздействие военной реформы на жизнь россиянок, ставших, как и в рекрутские времена, солдатками, было таким же негативным. Военные чиновники и правительство не задумывались о судьбах и жизненных интересах женщин, которые должны были после призыва мужа в армию сами заботиться о содержании себя и своих детей, не пытались прогнозировать последствия шестилетней разлуки для семейно-брачных отношений, не учитывали того негативного воздействия, которое оказывало изъятие для военных надобностей кормильца семьи. Конечно, реформы 60-70-х гг. XIX в., в том числе и военная реформа 1874 г., которые проводил Александр II и его окружение, были

«великими», но они также несли большие страдания и горе «обычному» человеку, так как личностные аспекты, индивидуальность и уникальность «отдельной» личности были малоинтересны реформаторам. При проведении реформ и радикальных перемен в обществе самодержавие и его институты менее всего учитывали «женский фактор» и последствия реформаторской деятельности для «простых» россиянок. Женщинам-солдаткам приходилось самостоятельно решать возникающие проблемы, улаживать правовые и социальные противоречия, выживать в условиях традиционно негативного и подозрительного отношения к статусу солдатской жены.

49 Надо заметить, что лишь к началу XX в. жена, состоящего на действительной службе нижнего чина, могла получать отдельный вид на жительство без согласия своего супруга²⁶. Данное разъяснение Сената позволяло многим россиянкам самостоятельно принимать решение о своем месте жительства, поиске работы и значительно повышало мобильность солдатских жен.

50 Специальный анализ системы призрения семей призванных из запаса нижних чинов в периоды русско-турецкой 1877-1878 гг., русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой 1914-1918 гг. войн позволил определить наиболее существенные изменения в повседневной жизни русских женщин, а также взаимоотношения власти и общества в кризисные периоды отечественной истории. Так, лишь первая, относительно массовая мобилизация запасных и отпускных солдат в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., заставила правительство юридически оформить ответственность органов местного самоуправления за призрение солдатских семей, часто лишавшихся единственного кормильца и нуждавшихся в срочной помощи. 25 июня 1877 г. были утверждены «Временные правила о призрении семейств запасных, призванных на военную службу». Сопоставляя результаты социальной поддержки семей призванных на войну солдат, можно определенно констатировать, что выплаты пособий от местных самоуправлений были неполными, назначались лишь при признании нуждаемости в получении пособия, что в условиях провинциальной России создавало почву для злоупотреблений и коррупции. Кроме того, пособия выплачивались нерегулярно и не могли существенным образом компенсировать ущерб, нанесенный уходом главы семьи на войну. Таким образом, социальная защита семей призванных на войну солдат оказалась несовершенной, и экономическое положение большинства таких семей резко ухудшалось, что отражалось на структуре потребления, способствовало социальной напряженности и дефициту семейного бюджета.

51 Чаще всего солдатке отказывалось в пособии на тех основаниях, что она жила среди родственников, которые могли ее содержать; либо жила отдельно, но имела средства к содержанию своей семьи, либо находилась в услужении, имела другую работу, на которую и могла бы рассчитывать; либо имела свой дом или взрослых сыновей. Очевидно желание властей свести к минимуму число тех, кому надо было обязательно помогать. Положение солдатской жены в пореформенной России, таким образом, мало отличалось от повседневных реалий и практики призрения рекрутки. Стратегии выживания и борьба за поиск средств для существования своих семей оставались главной заботой россиянок, у которых государство «изъяло» мужей для военных надобностей. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. не была тотальной, а ее влияние на повседневные реалии русских женщин, как правило, касались лишь тех солдатских жен, чьи мужья были в армии и на войне. Русско-японская война 1904-1905 гг. оказала глубокое воздействие на традиционный уклад жизни общества, повседневную бытовую культуру, общественные настроения населения России, выплеснув наружу проявления структурного кризиса империи, конфликта личности и власти в модернизирующейся России. Война привела к дестабилизации отдельных сторон повседневной жизни русских женщин, подтвердив несовершенство механизмов социальной поддержки семей нижних чинов, призванных

на театр военных действий. Закрепление за земствами обязанности по выплате пособий семьям солдаток не могло быть реализовано в полном объеме. Данные выплаты назначались не всем нуждающимся в пособиях солдатским семьям, а лишь тем, кто мог подтвердить «нуждаемость». Устранение государства от помощи солдатским семьям негативно воздействовало на настроение солдат на фронте и их близких в тылу, явилось одной из важнейших предпосылок роста оппозиционных, в том числе и антивоенных, настроений среди населения России.

52 Военная повседневность вызвала резкое ухудшение жизненного уровня солдатских семей, которые часто оказывались без основного источника доходов, так и не смогли восполнить нарушенный баланс. В таких семьях ухудшилась структура потребления, стали возникать проблемы по уплате налогов и сборов. Военная пора повлияла на эмоциональный мир русских женщин, способствовала формированию особых навыков «общения» с властями, убедила россиянок в необходимости самим решать свои житейские проблемы. Самосознание русских женщин в период русско-японской войны 1904-1905 гг. развивалось, сочетая в себе как традиционные для военных лет настроения (рост молитвенных настроений, упадок духа, переживания за судьбу своих близких, оказавшихся на фронте), так и рост самостоятельности и самореализации (поиск самостоятельного заработка, планирование семейного бюджета, активное участие в переписке и подаче прошений для получения пособия).

53 Примечательно, что военная повседневность выявила и важнейшие проблемы эмансипации россиянок начала XX в. Представления о том, что только мужчина может и должен быть главой семьи и ее опорой, главным добытчиком и кормильцем показали, что в условиях войны и тыловых реалий эти подходы устарели и не соответствовали ситуации в стране. Русско-японская война 1904-1905 гг. существенно повлияла на жизнь большинства солдаток и их семей, заставив многих россиянок эмансипироваться от традиционной несамостоятельности. Именно эти годы стали периодом скорейшего развития женского социального самосознания, в том числе заинтересованности в получении образования и женском бунтарстве. Первая тенденция отразилась в стремлении родителей давать возможность своим дочерям получать образование, которое позволяло бы им находить работу и средства к жизни, а вторая свидетельствовала об активизации женских общественных настроений и неудовлетворенности правительственной политикой изменений в социально-экономической и политической сфере. Радикализация мировоззрения русских женщин воплощалась в погромных акциях, которые выявляли степень накала общественных страстей в России в период войн и революций начала XX в.

54 Однако тотальные изменения в женскую повседневность внесла Первая мировая война 1914-1918 гг. Важнейшей чертой женской повседневности в военные годы было обретение солдатками экономической, а в ряде случаев и общественной самостоятельности и самостоятельности. Имеется в виду то, что многие солдатские жены, видя безвыходность положения и не надеясь на земскую или общественную помощь, брали хозяйство в свои руки. Кроме того, война способствовала активному включению женщин в промышленное производство, освоению новых профессий в сфере обслуживания и управления. Война привела к «феминизации» и активному вовлечению женщин в прежде запретные для них отрасли и профессии. Таким образом, война сыграла в женской судьбе и конструировании будущего русских женщин важную роль, являясь трагедией в семейной, личной жизни, она смогла уничтожить те препятствия и барьеры, которые в мирное время всегда стояли на пути женщин в ликвидации неравенства, достижении равноправия в профессионально-общественном статусе и повседневной жизни.

- 55 Свидетельством изменения статуса женской самоорганизации в годы войны явилась деятельность женских общественных организаций (дамских комитетов, союзов солдаток и др.). В военные годы женщины не только активно опирались на общественное мнение, но нередко сами его формировали. Вовлечение женщин в общественные организации, укрепление роли личности, стремление к индивидуальной свободе отражало важнейший процесс европеизации русского общества. Фактически женское общественное движение являлось новой социальной конструкцией, которое в критические военные годы демонстрировало приверженность идеям гражданского общества и гуманизма. Важной стороной женской общественной самодеятельности, в том числе и солдатских жен, было появление нового женского типа в обществе, по сути, бросавшего вызов прежним патриархальным семейным и общественным устоям.
- 56 Первая мировая война 1914-1918 гг. явочным порядком расширила официальную сферу деятельности женщин, в том числе и общественную составляющую, позволив объединять усилия по наиболее востребованным направлениям общественной инициативы. Завершающим этапом женской общественной самодеятельности стали союзы солдатских жен 1917 г., благодаря которым женщины-солдатки впервые в истории отечественной государственности смогли направлять своих представительниц в органы местного самоуправления – Советы и исполкомы. Если вначале революции большинство женских организаций заявляло о поддержке Временного правительства и его курса на продолжение войны, то к осени 1917 г. многие союзы солдаток, недовольные отсутствием улучшения положения своих семей, стали выдвигать более радикальные требования. Все чаще в постановлениях собраний солдаток звучали требования повышения пайка, а также выдачи его и семьям тех солдат, которые дезертировали с фронта или добровольно сдались в плен, «так как эти семьи не должны отвечать за поступки своих глав и не могут быть обрекаемы на голодную смерть»²⁷. Нередко комитеты и союзы солдаток занимались устройством солдаток на работу, защищали их при возникновении конфликтов с предпринимателями, контролировали выдачу пайков солдатским семьям, проводили «кружечные» сборы, лотереи и т. д. За счет собранных средств они оказывали помощь солдаткам продуктами, топливом, детской одеждой и обувью. Солдатки все чаще выступали с призывами к прекращению войны, об этом же они писали своим родным на фронт. Заметим, что революционная действительность и анархические проявления нередко ограничивали реализацию планов союзов солдаток, которые к началу 1918 г. теряли авторитет и почти повсеместно прекратили свое существование.
- 57 В отношении общества и государства к солдатке перманентно складывалась ситуация противостояния административного и человеческого измерения, нужд и потребностей военного министерства и судеб отдельных конкретных людей и семей. В повседневной реальности солдатские семьи (жены и дети) пересекали часто социальные границы и изменяли свое формальное положение, используя всевозможные легальные и полулегальные возможности для выживания. Дело все было в том, что абсолютное большинство солдатских семей могли рассчитывать только на свои силы, редко на помощь общины и городского общества, но почти никогда на государственную поддержку. В семейном, социальном, экономическом плане солдатка и ее дети оказывались обреченными на страдания и низкий уровень потребления, выброшенными из привычного окружения и не нашедшими новой ниши в обществе имперского периода Российской истории. Вне сомнения, военные, армия, милитаризм оказывали значительное влияние на «рядовых» россиянок, оставляя наиболее глубокий след в судьбе женщины-солдатки.

Notes

- 1 Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. Пер. с англ. Т.П. Вечериной. Под ред. А.Б. Каменского. М., 2002. С. 103.
- 2 Столетие Военного министерства. 1802—1902. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902. С. 33 – 44.
- 3 Быт русской армии XVIII – начала XX века / Авт.—сост. С.В. Карпущенко. М., 1999. С. 88—89.
- 4 Михайлов М.М. Военные законы. СПб., 1861. С. 125.
- 5 См. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 163. Л. 19—94.
- 6 См.: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3993. Л. 2.
- 7 David L. Ransel. *Mother of Misery: Child Abandonment in Russia*. Princeton, 1988. P. 155.; Wirtschafter E.K. *The common soldier in eighteenth—century Russians Drama // Reflection on Russia in the Eighteenth Century*. Koeln, 2001. P. 370—371.
- 8 В.П. Из записок рядового первого призыва // Вестник Европы. 1875. № 9. С. 291.
- 9 Барбара А. Энгель Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (19-20 вв.). Мат-лы междунар. конф. М., 1996. С. 86.
- 10 Тенишев В. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908. С. 104.
- 11 Соловьев Е.Т. Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. С. 293.
- 12 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 5.
- 13 Свод постановлений о солдатских детях и по другим предметам. СПб., 1848. С. 4.
- 14 David L. Ransel. *Mother of Misery: Child Abandonment in Russia*. P. 157.
- 15 ГАТО. Ф. 2. Оп. 33. Д. 78. Л. 1-8.
- 16 ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1398. Л. 2.
- 17 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 947. Л. 7.
- 18 Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 18.
- 19 Максимов С. Сибирь и каторга. Ч. 2. Виноватые и обвиненные. СПб., 1871. С. 65.
- 20 Статистика российской империи. XIII. Проституция по обследованию 1 Августа 1889 г. Под редакцией А. Дубровского. СПб. 1890. С. 2.
- 21 Записки земского начальника Александра Новикова. СПб., 1899. С. 188.
- 22 Цит. По.: Лапин В. Семеновская история. Л., 1991. С. 39.
- 23 Столетие военного министерства. 1802—1902. Военно—тюремные учреждения Т. XII. Ч. III. СПб., 1911. С. 223.
- 24 ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3567. Л. 45.
- 25 Dietrich Beyrau, *Militaer und Gesellschaft im Vorrevolutionaren Russland*. Cologne, 1984; Benecke W. *Militaer und Gesellschaft im Russischen Reich. Die Geschichte der Allgemeinen Wehrpflicht 1874-1914*. Habilitationsschrift. Goettingen, 2003 и др.
- 26 Систематический сборник законов о мещанских управлениях с позднейшими разъяснениями Правительствующего Сената, Министерств и других учреждений. Состав. Я.М. Вилейшис. Херсон, 1914. С.364.
- 27 Тамбовский земский вестник. 1917. 20 сентября.

References

Electronic reference

Павел Петрович Щербинин / Pavel Petrovich Shcherbinin, « Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений [*Soldiers' wives from the XVIIIth to the XXth century : the reconstruction experience of social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments*] », *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies* [Online], Issue 4/5 | 2006, Online since 29 novembre 2006. URL : <http://pipss.revues.org/index493.html>

Павел Петрович Щербинин / Pavel Petrovich Shcherbinin

профессор кафедры Российской истории, доктор исторических наук, руководитель, Тамбовского центра гендерных исследований, Тамбовский госуниверситет имени Г.Р. Державина

Copyright

Creative Commons License

This text is under a Creative Commons license : Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 2.0 Generic

Abstract

The article examines legal and social status of Russian soldier's wives, their mentality, sociocultural character and their everyday life in the Russian Empire (XVIII – the beginning of the XX centuries) with the help of archives, reminiscences, statistics and ethnographic sources. The author researches soldier's wives petitions, the attitude of central and local authorities towards them, their means of social adaptation. Are displayed the peculiarities of the soldier's wives deviant behavior (prostitution, infanticide and others). The author also examines the activity of soldier's wives organizations (soyuzov soldatok) in 1917, the structure of soldier's families and the peculiarities of their demographic behavior. In this article are uncovered professional favors of soldier's wives and their participation in the women emancipation movement in Russia.

Keywords : Russia, Russian Armed Forces, Women, Imperial Russia, Soldiers' wives

Licence portant sur le document : Creative Commons License